

выгодной для смысла последовательности. Смысл, чувства и слова нерасторжимы.

Как показал историко-теоретический анализ концепций писателя от античности до наших дней, в древности писатель, поэт напоминал шамана, общающегося с духами; затем писатель утратил право на свободный полет воображения и уподобился чистому теоретику; потом произошло колебание маятника в противоположную сторону. Сегодня маятник где-то посередине: ничем не сдерживаемая свобода воображения сочетается в писателе с теоретической установкой, выражющейся в сложной работе по самоидентификации. Современная теория литературы не может, не должна пройти мимо этого непреложного факта. И если было объявлено о "смерти автора", то самое время объявить о том, что автор воскрес.

На этой эффектной ноте статью можно было бы и закончить, если бы не одно дополнение: не поняв проблемы писательской самоидентификации, мы не можем полностью воспринять и самого ускользающего феномена литературы.

¹См.: Николаев П.А. Историзм в художественном творчестве и в литературоведении. М., 1983; Русские писатели: 1800–1917. Биографический словарь / Гл. ред. П. А. Николаев. М., 1989. Т. 1; Русские писатели: Библиографический словарь: В 2 ч. / Гл. ред. П.А. Николаев. М., 1990; и др.

²См.: Зарубежные писатели: Библиографический словарь: В 2 ч. / Под ред. Н. П. Михальской. М., 2003; издающиеся ежегодно с 1989 г. материалы научной конференции "Пуришевские чтения" и др.

³О так понимаемом тезаурусе и тезаурусном подходе, бурно развивающемся в последнее время в сфере гуманитарного знания, см.: Луков Вал. А., Луков Вл. А. Тезаурусный подход в гуманитарных науках // Знание. Понимание. Умение. 2004. № 1. С. 93–100.

⁴Есин С.Н. Живем только два раза // Волга. 1969. № 2.

⁵Моруа А. В поисках Марселя Пруста. СПб., 2000.

⁶Есин С.Н. Смерть Титана. В. И. Ленин. М., 2002.

⁷Толстой Л.Н. О литературе: Статьи, письма, дневники. М., 1955. С. 269.

⁸Примеры таких текстов, способствовавших самоидентификации автора, собраны и прокомментированы в книгах: Есин С.Н. Власть слова. Филологические тетради. М.: ЛГ, 2004; Его же. Власть слова. Практика. М.: ЛГ, 2005.

ОБРАЗ "МАТЕРИ-ЗЕМЛИ" В ПОЭТИЧЕСКОМ СОЗНАНИИ А. БЛОКА

Т.В. Игошева

Во второй рецензии на "Urbi et orbi" В.Я. Брюсова, написанной в 1904 г., Блок специально выделил мотив земли в лирике Вл. Соловьева и Брюсова. Он писал: "Вл. Соловьев, называя землю „владычицей", говорит о „пламени" ее „родного сердца". Брюсов обращается к земле:

Мать, мольбу мою услышь,
Осчастливь последним браком!
Ты венчаешь с ветром тишь,
Луг с росой, зарю со мраком.
.....

Я тебя чуждался, мать,
На асфальтах, на гранитах...
Хорошо мне здесь лежать
На грядах недавно взрытых.
Я – твой сын, я – тоже прах,
Я, как ты, – звено созданий.
Так оттуда – страсть и страх,
И бесконный бред исканий?

Для утверждения связи Брюсова с Соловьевым было бы недостаточно одного этого примера, потому что земля – искони мать и владычица всякого цветения, в том числе и поэзии" (V, 542)¹. Блоковская рецензия была написана в тот период, когда поэт стремился отыскать в лирике Брюсова приметы, свидетельствующие о его внутренней связи с соловьевскими идеями и представлениями, столь дорогими и необходимыми автору "Стихов о Прекрасной Даме". В статье 1905 г., посвященной творчеству Вяч. Иванова, Блок подчеркивает "неразлучность с землей", свойственную ивановской "Прозрачности". "Это, – пишет он, – и есть – предчувствие возврата к стихии народной, свободно парящей, не отрываясь от земли" (V, 16-17). В рецензии 1905 г. на сборник рассказов Мирэ "Жизнь" Блок вновь обращается к концепту "Вечной Матери-Земли" (V, 585).

1904–1905 гг. стали прежде всего для самого Блока временем наиболее активного и глубокого вчувствования в духовный феномен "матери-земли". В период "Стихов о Прекрасной Даме" Блока образ "матери-земли" не занимал центрального, сюжетообразующего положения. Хотя и

в эти годы ему свойственно несомненное поэтическое ощущение земли как одухотворенного существа. В так называемом "Наброске статьи о русской поэзии" (<декабрь 1901 – январь 1902>) Блок записывает: "Далеко поет земля, – близко слышится песня – и подступает к горлу" (VII, 22)². Очевидно, что свою "родословную" этот мифопоэтический образ ведет от религиозно-символических представлений Блока о Душе мира, трансформируясь в своем поэтическом развитии в образ Души земли, "матери-земли". Не случайно в стихотворении "Золотокудрый ангел дня..." 1902 г., входившем в состав "Стихов о Прекрасной Даме", начиная с "мусагетовского" издания 1911 г., в качестве метафизических пределов, связанных друг с другом и одновременно противопоставленных друг другу по вертикальной "оси мира", названы "синяя лазурь" – цветовой символ, принадлежащий софийному образу, – и "лоно матери земное"; Душа мира и "мать-земля" со своим рождающим лоном:

Предел наш – синяя лазурь
И лоно матери земное.
(I, 200)

Те же границы обозначены и в стихотворении "Я жду призыва, ищу ответа..." (1901):

Немеет небо, земля в молчанье...
(I, 108)

Генезис образа "матери-земли" – в народной религиозности. В "Поэзии заговоров и заклинаний" Блок писал о природной душе, в тесном союзе с которой существовала древняя душа народа (V, 36-37).

Русская народная религиозность, по мысли Г.П. Федотова, наиболее полно раскрывается в сближении почитания Богородицы с религией "матери-земли"³. Автор "Поэтических воззрений славян на природу", А. Афанасьев задолго до Федотова отмечал, что древнее религиозное почитание земли с принятием христианства совместилось с почитанием Девы Марии⁴.

Наиболее ярко, по мнению русских символистов, данное представление народной религиозности сумел воплотить в своем творчестве Достоевский. Так, в finale "Преступления и наказания" Раскольников вспоминает слова Сони: "Поди на перекресток, поклонись народу, поцелуй землю, потому что ты и перед ней согрешил, и скажи всему миру вслух: „Я убийца!""⁵. В продолжение народной религиозной традиции земля здесь мыслится как "судия и как искупительница грехов"⁶. В "Бесах" Марья Тимофеевна рассказывает Шатову: "А тем временем и шепни мне, из церкви выходя, одна наша старница, на покаянии у нас жила за пророчество:

"Богородица что есть, как мнишь?" – „Великая мать, отвечаю, упование рода человеческого". – „Так, говорит, богородица – великая мать сыра земля есть, и великая в том для человека заключается радость <...>". Запало мне тогда это слово. Стала я с тех пор на молитве, творя земной поклон, каждый раз землю целовать, сама целую и плачу"⁷.

Во втором томе книги "Л. Толстой и Достоевский" Д.С. Мережковский оценил эти слова как одну из самых глубоких интуиций Достоевского⁸, а Вяч. Иванов увидел в них "основной миф романа „Бесы""⁹.

И. В. Корецкая обратила внимание на то, что в тексте работы Андрея Белого "Трагедия творчества. Достоевский и Толстой" Блок отчеркнул интерпретацию впечатливших Шатова слов Хромоножки о том, что "земля есть народная богородица" (ЛН, Т. 92. Кн. 4. С. 31)¹⁰. Она же отметила: "Двукратно выделил Блок слова Зосимы о верности Земле („Люби повергаться на землю и лобызать ее <...> Омочи землю слезами радости") до слов: „...не многим дается, а избранным" <...>); поэт отзывался на присущее Достоевскому глубинное мистическое ощущение Земли как животворной, женственной основы бытия" (ЛН, Т. 92. Кн. 4. С. 17).

Собственно говоря, именно это представление и реализовано Блоком в целом ряде своих стихотворений из состава второго тома лирики.

Не мани меня ты, воля,
Не зови в поля!
Пировать нам вместе, что ли,
Матушка-земля?
(II, 77)

Или:

Вот, в доспехе ослепительном,
Слышино, ходит сын во мгле,
Дух свой предал небожителям,
Сердце – матери-земле.

(II, 108)

Поэтическое представление о матери-земле по-настоящему начинает формироваться у Блока в цикле "Пузыри земли" (1904–1905) и явно противостоит высокому образу Души мира его первой поэтической книги. При чтении двенадцатого номера "Нового пути" за 1903 г. Блок подчеркнул слова Ницше: "Теперь самый страшный грех – хулить землю и непостижимое ставить выше, чем смысл земли (Der Sinn der Erde)"¹¹. Напротив этих подчеркнутых строк поставлен знак "нотабена". "Непостижимое" и было содержимым первого тома лирики Блока, а в

период написания стихов “второго тома” для него “непостижимое” стало невозможным ставить выше “смысла земли”.

В стихотворении “Старушка и чертенята” из цикла “Пузыри земли” в сокровенном виде присутствует образ матери-земли.

Побывала старушка у Троицы

И все дальше идет, на восток.

Бот сидит возле белой околицы,

Обевает ее вечерок.

Собрались чертенята и карлки.

Только диву даются в кустах

На костыль, на мешок, на сухарички,

На усталые ноги в лаптях.

“Эта странница, верно, не рада нам –

Приложилась к мощам – и свята;

Надышалась божественным ладаном,

Чтобы видеть Святые Места.

Чтоб идти ей тропинками злачными,

На зеленую травку присесть...

Чтоб высоко над елями мрачными

Пронеслась золотистая весть”...

И мохнатые, малые каются,

Умиленно глядят на костыль,

Униженно в траве кувыркаются,

Поднимают копытцами пыль:

“Ты прости нас, старушка ты Божия,

Не бери нас в Святые Места!

Мы и здесь лобызаем подножия

Своего, полевого Христа.

Занимаются села пожарами,

Грозовая над нами весна,

Но за майскими тонкими чарами

Затлевает и нам Купина”...

(I, 20-21)

В книге “Нечаянная Радость”, в составе которой было опубликовано и данное стихотворение, и цикл “Пузыри земли” в целом, Андрей Белый увидел “тончайший демонизм”, соединенный “с простой грустью бедной природы русской”¹². На поверхку “демонизм” в “Пузырях земли” оказывался представленным в виде чертенят, карлков и болотного попика,

16

– соприродными существами народной мифологии, вполне мирно соседствующими в народном религиозном сознании с образами Христа и Богородицы.

Окончательному тексту стихотворения “Старушка и чертенята” предшествовали две черновые редакции. Во второй черновой редакции появляется образ девушки, выражающей чувства от лица коллективного “мы”, в состав которого включены те самые чертенята и карлки:

Побывала старуха у Троицы
И все дальше идет на Восток
Бот стоит возле белой околицы,
Обдувает ее ветерок.

Вышла девушка – в жемчуге, в золоте
Заглянула старухе в лицо.
Эта странница верно не рада нам,
Приложилась к мощам и чиста...¹³

Поскольку девушка заодно с чертенятами и карлками – подземными, хтоническими существами, – ее образ в контексте стихотворения вполне соотносится с образом матери-земли в ее антропоморфном варианте. Такое понимание образа вполне вероятно, поскольку в своих стихах Блок опробовал и обратный поэтический ход:

Девушки пригожие,
Как сама земля.

(I, 135)

Вместе с тем детали облика девушки черновой редакции стихотворения явно корреспондируют с чертами облика главной героини “Стихов о Прекрасной Даме”: “Вышла девушка – в жемчуге, в золоте” (Ср.: “Ты рассыпаешь кругом жемчуга”, “Залит весной беззакатный (т.е. солнечный, золотой. – Т.И.) наряд” (I, 74)).

Обращает на себя внимание и то, что в данной черновой редакции при наличии образа девушки отсутствует образ Купины, в то время как в первой черновой редакции, напротив, присутствует Купина, но отсутствует девушка. Таким образом, напрашивается вывод о том, что по своей смысловой функции образы “девушки” второй черновой редакции и “Купины” первой черновой редакции и окончательного текста, по-видимому, близки друг другу до взаимозаменяемости, до уподобления друг другу. И при этом в своей основе восходят к прообразу Богородицы, которая в блоковском стихотворении подобно народным религиозным представлениям совмещается с образом матери-земли. Именно в

богородичном контексте объяснимо, почему “мать-земля” у Блока выступает в образе девушки. Известно, что богородица воспринимается христианской церковью одновременно, вне временной последовательности, сразу как Невеста, Жена и Мать. Возможно, именно из этих богородичных представлений происходят блоковские поэтические высказывания типа: “Всё невеста – и вечно жена” (I, 315), “Он был обручен с Женой” (I, 229) и т.д.

Высокий, софийный вариант образа Души мира, корреспондирующий с образом богородичным, представлен, например, во вступлении ко второй книге лирики Блока (“Ты в поля отошла без возврата...”)

Ты, Держащая море и сушу
Неподвижно тонкой Рукой!
(II, 7)

Комментаторы полного собрания сочинений Блока справедливо отмечают, что здесь отражен “мифopoетический образ всеобъемлющего космического начала, восходящий к соловьевской идее Вечной Женственности”¹⁴. И далее предлагаю сравнивать их с соловьевскими строками из стихотворения “Я озарен осеннею улыбкой...” (1897): “Владычица земли, небес и моря!”, которые были отмечены в блоковском экземпляре “Стихотворений” Вл. Соловьева¹⁵. К этому можно лишь добавить, что соловьевский, но гораздо в большей степени блоковский образ соотносится с одним из типов богородичной иконографии – с так называемым типом Богородицы Державной. Иконография данного образа предполагает изображение Богородицы с младенцем, сидящей на престоле и в левой руке держащей Державу – шар, изображающий землю (“море и сушу”), с крестом наверху – символ власти. В случае с Блоком характерна именно ориентация на зрительный, “изобразительный”, рассчитанный на восприятие глазом образ (подчеркнут образ тонкой руки, держащей землю и сушу), пластиически выразительный и завершенный в своей иератической, почти иконописной неподвижности. Именно об этом свойстве поэтики Блока писал А. Белый в своих комментариях 1926 года к их переписке: “...я поэт, влекомый к музыке; Блок – к образу, форме и краске”¹⁶.

Образ Богородицы Державной Блок мог увидеть в ходе своей московской (“мистическая Москва” – VIII, 80) поездки зимой 1904 г., например в иконостасе Смоленского собора Новодевичьего монастыря, где Блок в сопровождении С. Соловьева и А. Белого был 12 января. В письме матери Блок так передавал свои впечатления от Смоленского собора: “Купола главного собора, золото в глубоко синей лазури сквозь ветки тополя” (VIII, 83).

Возвращаясь к стихотворению “Старушка и чертенята”, возможно предположить, что выбирая между “девушкой – в жемчуге, в золоте” и “Купиной”, свой окончательный выбор Блок остановил на Купине как образе, в наибольшей степени подчеркивающем богородичную составляющую софийных смыслов Души мира. Именно этого смешения опасалась А.Н. Шмидт, обращавшаяся к Блоку в своем письме 12 марта 1903 г. со следующими словами: “Вы поняли также, по-видимому, что София живет не только на небесах, но имеет и близкую связь с землей. Скажите же мне, как Вы себе представляете связь этого лица с землей, – определенно или нет? Не смешиваете ли Вы его с лицом Марии Богородицы, что в моих глазах не только ошибочно, но вредно и опасно?”¹⁷. Известно, что Блок не ответил на это письмо Шмидт. Однако Андрей Белый, размышлявший о блоковской героине еще предшествующего периода “Стихов о Прекрасной Даме”, словно бы отвечая на сомнения А.Н. Шмидт, утвердительно отмечал: “Она в первом и последнем счете Богоматерь, София (исторический и сверхвременные аспекты)” (ЛН. Т.92, Кн. 3. С. 808). То есть героиня Блока, как ее понимал Белый, демонстрировала себя в разных сущностях: в сверхвременном аспекте она – София, в историческом времени она же воплотилась в Богородице.

Легко отождествивший высокий идеализированный облик героини “Стихов о Прекрасной Даме”, как с Софией, так и с Богородицей, Белый, однако, оказался не готовым узнати софийно-богородичные черты в несколько сниженном варианте героини “Пузырей земли”, которая “растворилась” в полях (“Ты в поля отошла без возврата...” – прочитывается и в этом смысле), став почти соприродной “тварям весенним”.

По-видимому, блоковский выбор, оставшийся за “Купиной”, был мотивирован также тем, что образ Купины Неопалимой не только оформился в отдельный почитаемый церковью иконографический тип Божией Матери Купины Неопалимой¹⁸, но и играл значительную роль в народном религиозном сознании. В его границах Купина Неопалимая отождествлялась с языческой богиней-громницей, в результате чего Богородица стала носительницей функций богини весенних гроз и земного плодородия. Афанасьев зафиксировал данное понимание в народных обрядовых действиях: “...в защиту от грозы молятся Богородице-Неопалимой купине, а во время пожаров выносят ее икону и обходят с нею вокруг загоревшегося здания <...> Богородице приписывает народ власть над грозою, ниспослание дождей и влияние на земные урожаи”¹⁹.

В finale блоковского стихотворения “Старушка и чертенята” мотивы грозы, грозовой весны и Купины стянуты в одно лирическое высказывание, завершающее поэтический сюжет:

Занимаются села пожарами,
Грозовая над нами весна,
Но за майскими тонкими чарами
Затлевает и нам Купина...

В качестве комментария к первым двум строкам данной строфы комментаторы к собранию сочинений Блока приводят фрагмент письма Блока к А. Белому: "Грозовая весна, были дни сплошь грозовые с ливнями, а вообще сухо и сильный ветер. На горизонте такая мгла, что говорят, будто Москва горит"²⁰. Однако помимо реально-биографического контекста в стихотворении присутствует и собственно поэтический смысл, из которого следует, что грозовая весна, занимающиеся пожарами села и Купина вступают в последней строфе в неслучайный и весьма тесный смысловой контакт, в результате которого рождается образ Богородицы-Куپины, не только инициирующей грозы (Афанасьев приводит свидетельства народного религиозного представления о Богородице как сестре Ильи Громовитого – Огненной Марии²¹), но и "сквозящей" сквозь "тонкие майские чары", за которыми она скрыта в своем растворенном и развоплощенном состоянии. Свое представление о растворенности Души мира в земных ландшафтах Блок раскрывал в письме Белому в феврале 1903 г.: "... так сменяется Она пространственно – здесь вот взмахнула крыльями и приняла контур горы, а здесь – легла и распласталась в пустынью, манящей позой указав сама свою подчиненность – женское, а не Женственное <...> Здесь – мучительные приданки и убыли Вечно-Женственной, когда же и где же Она Сама?"²². Очевидно, что в поэтическом сознании Блока образ вечноженственной Души мира существует как в потенциально воплощенном облике ("Где же Она Сама?"), так и реально развоплощенном виде, которую он ощущает растворенной, разлитой в пространственных ландшафтах Руси-России, скрыто несущих в себе сакральный смысл, позволяющий в этих рамках отождествить образ матери-земли с образом богочестивым. Факт обращения Блока к этому народно-религиозному по своему происхождению образу в 1904–1905 гг. потенциально уже содержит в себе ту художественную идею, которая позже будет воплощена им в поэтических циклах "На поле Куликовом" и "Родина".

²⁰Сославшись на Вл. Соловьева, Блок имел в виду его стихотворение "Земля-владычница! К тебе чело склонил я...", которое начинается следующими строками: "Земля-владычница! К тебе чело склонил я, / И сквозь покров благоуханный твой / Родного сердца пламень ощутил я, / Услышал трепет жизни мировой". (Соловьев Владимир. Стихотворения и шуточные пьесы. Л., 1974. С. 77).

²¹Тексты А. Блока цитируются по изданию: Блок А. Собр. соч. В 8 т. М.; Л., 1960–1963. Ссылки на это издание даются в тексте, первая цифра обозначает том, вторая – страницу.

²²Федотов Г. Стихи духовные. (Русская народная вера по духовным стихам). М., 1991. С. 65.

²³Афанасьев А. Поэтические воззрения славян на природу. В 3 т. М., 1994. Т. 1. С. 142–150.

²⁴Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. В 30 т. Л., 1973. Т. 6. С. 405.

²⁵Смирнов С. Древне-русский духовник. Исследование по истории церковного быта. М., 1913. С. 274.

²⁶Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. В 30 т. Л., 1974. Т. 10. С. 116.

²⁷Мережковский Д.С. Л. Толстой и Достоевский. Т. 2. Религия Л. Толстого и Достоевского. СПб., 1902. С. 243–244; 275–276.

²⁸Иванов Вяч. Родное и вселенское. М., 1994. С. 306–311.

²⁹Корецкая И.В. Блок о Достоевском (По неизвестным материалам) // Литературное наследство. Т. 92. Александр Блок. Новые материалы и исследования. Кн. 4. М., 1987. Далее ссылки на это издание даются в тексте статьи.

³⁰Новый путь. 1903. № 12. С. 140. Экземпляр журнала "Новый путь", принадлежавший Блоку, находится в библиотеке СТД (Москва). Впервые некоторые из помет Блока на страницах "Нового пути" воспроизведены И.В. Корецкой. См.: ЛН, Т. 92, Кн. 4. С. 13–33.

³¹Белый Андрей. О Блоке / Вст. ст., сост., подг. текста и комм. А.В. Лаврова. М., 1997. С. 211.

³²Блок А.А. Полн. собр. соч. и писем. В 20 т. М., 1997. Т. 2. С. 237.

³³Там же. С. 553.

³⁴Там же.

³⁵Андрей Белый и Александр Блок. Переписка. 1903–1919 / Публ., предисл. и комм. А.В. Лаврова. М., 2001. С. 128.

³⁶ГРАЛИ. Ф.55, оп. 1. ед. хр. 466. Л. 2 – 2 об.

³⁷Об особом интересе Блока к богочестивой иконографии свидетельствует и тот факт, что будучи студентом филологического факультета Петербургского университета он собирался писать зачетное сочинение "Сказания о чудотворных иконах Божьей матери". Об этом имеется несколько сообщений в письмах. 2 ноября 1903 г. в письме А.В. Гиппиусу Блок пишет: "Учиться нужно, писать сочинение ("Сказания об иконах Божьей матери")" (ЛН. Т. 92. Кн. 1. С. 448). 10 ноября 1903 г. в письме С.М. Соловьеву Блок также отмечает: "Намереваюсь писать сочинение "Сказания об иконах Богородицы" – боюсь наглупить в нем и превысить университетскую норму" (ЛН. Т. 92. Кн. 1. С. 449). В своих воспоминаниях об Александре Блоке С.М. Соловьев также фиксирует: "Собирался писать кандидатское сочинение о чудотворных иконах Божьей Матери" (Соловьев С.М. Воспоминания об Александре Блоке // Соловьев С.М. Воспоминания. М., 2003. С. 383). И уже гораздо позже, в 1914–1915 гг., для своей библиотеки Блок приобретает издание "Иконография Богоматери" Н.П. Кондакова в двух томах, вышедших в 1914 и 1915 гг.

³⁸Афанасьев А. Указ. соч. Т. 1. С. 484.

³⁹Блок А.А. Полн. собр. соч. и писем. Т. 2. С. 577.

⁴⁰Афанасьев А. Указ. соч. Т. 1. С. 483.

⁴¹Андрей Белый и Александр Блок. Переписка. С. 38.